

Поев завтрак, Линь Юй отправился к своему огороду. Его овощи росли неплохо: у тыквы и бутылочной тыквы уже расправились широкие, с ладонь, листья, покачиваясь на ветру; маленькая зелень тоже дружно вытянулась, стала уже с палец высотой.

Линь Юй, взяв ведро, поливал каждое растение одно за другим, надеясь, что они быстрее подрастут.

А Вэй Циншань тем временем держал в руках маленький нож и что-то вырезал.

Во дворе стояла сплошная зелень, две охотничьи собаки носились туда-сюда. Погода потеплела, и Линь Юй уже снял свою тёплую курточку, оставшись только в лёгкой весенней одежде.

“Гээр Юй! Ты сегодня дома!” — очень обрадовался Хэ Дун. Раньше, приходя, он несколько раз никого не заставал, а сегодня наконец застал Линь Юя.

“Где это ты пропадал все эти дни? Я приходил — тебя не было”.

“Мы с Циншанем в горы ходили. Дел много было, вот только сейчас дома”.

“Ого, гээр Юй, всего несколько дней не виделись, а у тебя лицо куда здоровее стало!”

“Правда?” — Линь Юй слегка улыбнулся. Эти дни он всё время принимал укрепляющие лекарства и чувствовал, что усталости в теле больше нет.

Они немного поболтали и Хэ Дун, подсев поближе к Линь Юю, шёпотом сказал ему на ухо: “Здорово, что ты дома. На задней горе зацвела персиковая роца. Ты завтра сможешь пойти со мной посмотреть цветы?”

Линь Юй удивился: “А что в этих цветах такого интересного?”

Линь Юй в последние дни, поднимаясь в горы, всегда замечал неподалёку от своего дома несколько персиковых деревьев. В деревне такие деревья вовсе не редкость и что тут особенного — он не понимал.

На лице Хэ Дуна вспыхнул румянец: “Ай, да это... это...”

Смутившись, Хэ Дун тихонько наклонился к самому уху Линь Юя и прошептал несколько слов. Только тогда Линь Юй понял, о чём речь:

“Тогда я завтра пораньше к тебе зайду”.

“Угу”, — Хэ Дун покраснел ещё сильнее, сказал это и тут же убежал.

“Завтра собираешься куда-то пойти?” — словно между прочим спросил Вэй Циншань. Ему просто хотелось поговорить со своим маленьким фуланом, ведь после вчерашнего он чувствовал между ними какую-то неловкость.

“Угу”.

“Возьми с собой сухофрукты и сладости, чтоб вам было чем перекусить. Кажется, у нас их осталось немного, завтра я схожу в город и куплю ещё”.

“Не... не нужно. Это гээр Дун идёт на смотрины, он попросил меня пойти с ним”.

“Вот оно как”.

Вэй Циншань больше не стал спрашивать. В такие дела, касающиеся гээров, взрослому мужчине вмешиваться было неловко.

К полудню Линь Юй приготовил тушёное мясо с сушёными побегами бамбука. Он подумал, что в бамбуковой роще на горе, наверное, уже выросли новые побеги. Как будет время — соберёт, чтобы пожарить, а лишнее засушить и оставить на зиму.

Тушёное мясо с сушёным бамбуком, плюс куриный суп и маньтоу — всё это в руках Линь Юя превращалось в настоящий праздник вкуса. Вэй Циншань так увлёкся едой, что съел три маньтоу.

Но в самый разгар трапезы из соседнего двора снова раздались ругань и крики Цянь Гуя:

“Это что за еду ты мне приготовила?! Вся столешница зеленью завалена, ни куска мяса нет! Ты что, решила заморить меня голодом?!”

Сань Нян, осыпаемая бранью, даже голову поднять не смела, а маленький гээр Цин жался к матери, дрожа от страха.

Эти дни Цянь Гуй был особенно злым: он проиграл серебро и пребывал в дурном настроении. А тут ещё каждый день доносился запах мясной еды от соседей. Вот он и бесился ещё больше.

“Ещё и с таким кислым видом сидишь! Думаешь, я тебя не убью?! Каждый день одна и та же мёртвая физиономия! Кому ты её показываешь? Что, я тебе чем-то обязан? Это ты всю мою удачу сглазила и погубила!”

Линь Юй, нахмутив брови, слушал: этот Цянь Гуй совсем не думает идти работать в поле, только и умеет, что бить и ругать свою жену.

Вэй Циншань снова налил Линь Юй миску куриного супа: “Выпей ещё немного”.

Линь Юй кивнул и, взяв чашку, стал пить. На таких людей он повлиять не мог. Если Вэй Циншань увидит, что ему неприятно, то опять захочет за него заступиться, тоже ведь неловко. Просто жалко Сань Нян и маленького гээра Цина.

Из-за стены всё ещё доносились обрывистые крики и ругань: “Живо иди отрежь мне мясо и принеси домой!”

“Что? У тебя нет серебра? Как это у тебя может не быть серебра? А серебро от продажи ткани где?!”

“Что значит отдала моей матери?! Ты уже осмелилась припрятать медяки и ещё говоришь, что у тебя нет серебра? Кто знает, не спрячешь ли ты их ещё где-нибудь?!”

Пообедав, Вэй Циншань взялся мыть миски, а Линь Юй нарезал купленное белое полотно на квадраты для носовых платков и принялся аккуратно подшивать края, чтобы потом вышить узор.

Увидев это, Вэй Циншань присел рядом:

“Отдохни, потом доделаешь. Разве не говорил, что через пару дней начнёшь вышивать?”

“Я и не вышиваю”, — тихо ответил Линь Юй: “Я только разрезал и подшил ткань”.

Вэй Циншань усмехнулся: этот малец теперь и хитрить научился.

На следующий день Вэй Циншань, позавтракав, собрался сходить в городок обменять серебро. Линь Юй тоже вышел вместе с ним. Он собирался к Хэ Дуну, сегодня ведь у гээра Дуна день смотрин.

Закрыв дверь, Линь Юй собрался идти. Вэй Циншань приподнял бровь: “А переодеваться не будешь?”

Линь Юй удивился: “Зачем? Это же гээр Дун идёт на смотрины, а не я”.

Он жалел свои новые вещи и потому надел короткий кафтан из перешитой старой ткани: удобно работать, а если испачкается — не жалко.

“Ну ладно, я к обеду вернусь”.

“Угу”.

“Тебе что-нибудь купить?”

Линь Юй покачал головой: “Нет, ничего”.

Пройдя с Линь Юй немного, Вэй Циншань свернул своей дорогой.

Когда Линь Юй пришёл к дому Хэ Дуна, того как раз мать усаживала причёсываться.

Сегодня Хэ Дун был одет в весенний халат цвета индиго, тот самый, что раньше одалживал Линь Юй. Мать Хэ подвязала сыну волосы лентой. Завидев Линь Юя Дун немного смутился.

После того как причёску закончили, Хэ Дун ещё повесил на пояс вышитый мешочек с благовониями — в нём и Линь Юй пару стежков сделал.

Мать Хэ дала пару наставлений: “Когда пойдёшь туда, веди себя посерьёзнее, не так развязно, как раньше”.

“Знаю, мама”.

“Гээр Юй, присмотри за ним, чтобы он в приличиях не оступился”.

“Ничего такого, гээр Дун очень хороший”, — ответил Линь Юй, которому нравился гээр Дун: простодушный, открытый по характеру.

На этот раз сватовство исходило от другой стороны через посредника. Говорили, что тот человек грамотен, в уезде работает счетоводом, старшая сестра давно выдана замуж, в семье остался только он, ещё неженатый.

Услышав, что будущий жених служит счетоводом в уезде, первая мысль матери Хэ была: с такими-то условиями чего это он присмотрелся к её сыну?

Не то чтобы она сомневалась в собственном сыне, но ведь у такого человека выбор широкий, хоть из девушек в городке. Значит, или есть какая-то причина, или подвох. Семья у них самая обыкновенная, чем мог приглянуться её сын?

Посредник объяснил, что тот человек видел Хэ Дуна в городке, вот и через знакомых устроил сватовство.

Мать Хэ, выслушав посредника, отправила Хэ Дачжу в ту деревню разузнать. Всё оказалось верно: у семьи пять му земли, деревенские отзываются неплохо.

Вернувшись, Хэ Дачжу сообщил: ничего дурного за ними не числится, хозяйство крепкое, а жених ещё и счетовод в городке, куда уж надёжнее по сравнению с ними, что всё с земли кормятся.

Только после этого мать Хэ согласилась на смотрины. Ведь у неё всего один сын гээр, растила она его в достатке, и больше всего боялась, что попадёт он в дурную семью, где будут притеснять.

В этот день мать Хэ тоже надела новое платье. С собой брать много людей она не стала: пошла сама с Линь Юем и сыном, а потом подтянутся Хэ Дачжу и Хэ Эр. Обе невестки остались дома с детьми.

Всё-таки это смотрины, а не праздник, людей много звать не стоит. Из чужих взяли только Линь Юя, чтобы избежать лишних пересудов.

Хэ Дун шёл, взявшись под руку с Линь Юем, а мать Хэ делала вид, будто идёт просто сзади. Дун скрытным человеком не был, поэтому, наклонившись, зашептал Линь Юю: “Он ведь в уезде счетовод. Сказал, что там видел меня”.

Щёки Хэ Дуна зарделись: “Несколько лет учился... Но почему, почему он обратил на меня внимание?”

“Ты же красивый”, — просто сказал Линь Юй.

“Ай, не говори ерунды!” — воскликнул Дун.

Они дошли до тех самых персиковых деревьев и остановились полюбоваться цветами. Дун немного нервничал и всё вертел в пальцах мешочек с благовониями на поясе.

Вскоре подъехал мужчина в ученой длинной мантии, сидя в повозке, запряжённой быком. Повозка остановилась в стороне, на ней вместе с ним приехало ещё несколько человек.

Увидев идущего навстречу человека, Хэ Дун сильно смутился, опустил голову и не смел смотреть. А тот мужчина подошёл, сорвал веточку цветущего персика и протянул её: “Я — Гао Шувэнь”.

Ветка в его руке была слегка перекошена. Хэ Дун поднял глаза в растерянности, быстро взглянул на него и принял цветок. Мужчина чуть замер, потом отпустил руку.

Хэ Дун всё ещё был очень застенчив. Увидев, что мужчина уходит, он украдкой посмотрел ему вслед несколько раз и торопливо окликнул: “По... погодите”.

Сбивчиво и в смятении он снял с пояса свой вышитый мешочек и бросил его мужчине: “Я... я сам вышил”.

Мужчина взял мешочек и улыбнулся. Хэ Дун покраснел ещё сильнее, уткнулся головой и не решался поднять взгляд.

Линь Юй, впервые сопровождавший кого-то на таком смотре, тоже чувствовал себя неловко, но, к счастью, после недавних поездок в город с Вэй Циншанем и торговли на рынке его смелости прибавилось.

Неподалёку госпожа Хэ уже вся сияла от радости: не ожидала, что парень окажется и здоровым, и пригожим, да ещё и счетоводом. Отличная партия! А главное — дети явно друг другу понравились.

Когда люди разошлись, госпожа Хэ поспешила подойти: “Ну как, Дун?”

Тот стоял, глуповато улыбаясь, держа в руках веточку персика: “Мама, что ты такое говоришь!..”

Госпожа Хэ всё поняла. Рядом стояли Хэ Дачжу и Хэ Эр, они тоже видели. Поблагодарив Линь Юя, госпожа Хэ увела сына домой.

Вернувшись, она тут же села обсуждать с двумя сыновьями: “Только что посмотрели, ну и как вам?”

Хэ Дачжу почесал затылок: “Мама, мне кажется, условия у них хорошие, и парень выглядит неплохо”.

Хэ Эр тоже кивнул: “Да, я тоже думаю, что он подходящий. Всё-таки человек учёный, да ещё и счетовод”.

Линь Юй вернулся домой и снова взялся за вышивку шёлковых платков: сначала нужно было обметать края, а потом уже вышивать. В этот раз он не взял слишком много ткани, боялся, что если вышивка получится неудачной, её не удастся продать.

На душе у Линь Юя было пусто и тоскливо. В деревне у него был всего один друг, а после того как гээр Дун выйдет замуж, ему и вовсе не будет с кем разговаривать.

А Вэй Циншань, добравшись до уездного городка, первым делом отправился в денежную лавку

и обменял медяки на серебряные слитки. Четыре маленьких слитка он спрятал за пазуху.

После этого Вэй Циншань направился к книжной лавке. Завидев, что пришёл не учёный человек, а крестьянин по виду, работник не стал особенно любезничать:

“Чего изволите, почтенный?”

“Есть ли у вас те... книжки для спальни?”

Работник тут же сделал выражение лица “я всё понял”: “Прошу, господин, пройдёмте за мной, сзади поговорим”.

Он вынес Вэй Циншаню целую стопку эротических книг: “Вот, посмотрите: есть с текстом, есть с картинками, есть даже с цветными иллюстрациями”.

Лицо Вэй Циншаня заметно похолодело. Он наугад взял одну книгу с картинками и текстом, сунул её за пазуху, расплатился медяками и направился к выходу.

Но не успел он пройти и двух шагов, как из-за книжных полок донёсся развязный хохот: “Господин Сунь, гляди, какая поза! Ц-ц-ц!”

“Хе-хе, господин Чжао, сходи в Чанчуньюлоу, найди там парня и сам узнаешь, как оно”.

“Вот это да! Вот это занятно, занятно!”

Несколько сальных голосов слились в общий хохот. Вэй Циншань остановился, прошёл в переднюю часть лавки и спросил: “Кто такой этот господин Чжао, о котором только что говорили? Знаешь его?”

“Откуда мне знать...” — замялся работник.

Вэй Циншань кинул ему два медяка. Лицо работника сразу просияло угодливой улыбкой: “Зовут его Чжао Дачжи, он у нас завсегда. Говорят, ещё в десять лет сдал экзамен на ученика и с тех пор всё хвастается этим. Ха! А прошло уже восемь лет, а он всё тот же ученик и есть”.

“Он ещё и в Чанчуньюлоу ходит постоянно: раза два в месяц наведывается. Любит угождать местным сынкам из богатых семей. Денег у него нет, а выпендриться хочется, даже эти книжки с картинками смотрит в чужой компании, к богатым молодчикам подлизывается”.

Вэй Циншань поднял ногу и пошёл прочь, а работник, подбросив в руке два медяка, быстро

сунул их за пазуху. Этот господин с таким холодным лицом, что, кажется, способен заморозить человека насмерть, вовсе не похож на того, кто пришёл за весельем, скорее уж на того, кто ищет врагов. С таким ледяным нравом, небось, и в постели дела у него плохи.

“Господин, подождите!”

Работник подбежал и сказал ему пару слов.

Вэй Циншань слегка кашлянул и, сложив руки в знак почтения, поблагодарил: “Благодарю”.

Работник, насвистывая песенку, ушёл назад. Всё-таки, ради двух медяков он, конечно, выдал ему секрет.

Шаги Вэй Циншаня стали чуть поспешными. Прижимая к груди книгу, он словно нёс ежа и тут же вспомнил то, что сказал ему только что работник. Хоть лицо его и оставалось холодным, красивые черты строгими, но кончики ушей уже запылали красным.

Первоначально Вэй Циншань собирался сразу возвращаться домой после покупки книги, но, изменив направление, завернул ещё и в лавку с помадой и маслами. Когда вышел оттуда, в его руках оказалось уже несколько коробочек с косметикой.

Когда он вернулся домой, было уже за полдень. Его маленький фулан сидел во дворе и вышивал платок. Завидев его, поспешно отложил работу и пошёл за едой:

“Почему так поздно вернулся? Быстро садись обедать”.

Вэй Циншань, чувствуя себя словно вор, кашлянул, прикрывая смущение: “Сейчас иду”.

Пока Линь Юй ушёл на кухню, Вэй Циншань торопливо спрятал купленную книгу под соломенный матрас, а коробочки с маслами глубоко в подушку, боясь, что фулан заметит. Лишь после этого он помыл руки и приготовился к еде.

Линь Юй, продолжая обшивать край платка, говорил с ним: “Похоже, дело идёт к тому, что к гээру Дуну уже через пару дней свататься будут”.

“Так быстро?”

“Да, слышал, будто тот человек в городке счетоводом работает, условия неплохие”.

Вэй Циншань только хмыкнул в ответ — его заботил лишь его собственный маленький фулан.

После еды он достал четыре маленьких серебряных слитка и отдал их Линь Юю: “Ты убери, береги”.

Линь Юй осторожно принял их в ладони, словно боясь уронить. Достал деревянную шкатулку для серебра — и там уже ровными рядами лежало семь маленьких слитков!

На лице Линь Юя расцвела улыбка: всё это было заработано ими с Вэй Циншанем честным тяжёлым трудом.

Днём Линь Юй уже подшил края нескольких шелковых платков и, усевшись во дворе, начал вышивать цветы. Вэй Циншань тоже сидел у входа в главный зал, держал в руках маленький нож и чем-то занимался.

Линь Юй был весь погружён в вышивку, когда перед его глазами вдруг появилась большая ладонь.

“Это тебе”.

Вэй Циншань разжал кулак: на его ладони спокойно лежала деревянная шпилька из персикового дерева.

“Я вырезал сам”.

Глаза Линь Юя засветились от радости, он глянул на Вэй Циншаня сияющим взглядом: “Спасибо!”

Он поспешно отложил пальцы, взял шпильку в руки и стал разглядывать. На её верхушке была вырезана маленькая рыбка в прыжке, на теле даже прорезаны чешуйки!

“Сделано не слишком хорошо. Когда будут деньги, поменяем на серебряную”.

Линь Юй провёл пальцами по резьбе, и чем больше щупал, тем сильнее нравилось. Тут же снял с головы старую шпильку и закрепил волосы новой, с рыбкой. Щёки его слегка зарделись и он тихо пробормотал: “Мне она очень нравится”.

Заколов волосы, он снова чуть опустил голову и продолжил вышивать. Под солнцем открылась тонкая, изящная линия его шеи. Вэй Циншань, глядя на неё, вдруг почувствовал, как в груди стало жарко.

Вскоре и Хэ Дун пришёл со своей корзиной для рукоделия. Вэй Циншань принёс им кувшин с горячей водой и зашёл в дом.

Лишь когда он ушёл, Хэ Дун осмелился заговорить. На его лице вспыхнул румянец: “Ну вот что это такое! Дома мама всё спрашивает: “Ну что, замуж пойдёшь? Или не пойдёшь?” Сами ведь решают, а меня всё допытывают... ну правда!”

В его голосе слышалось кокетливое недовольство. Линь Юй понял, что сватовство уже дело решённое: “Тогда ты лучше учись вышивать, а то замуж пойдёшь — люди ещё насмеяться будут”.

Хэ Дун слегка толкнул его плечом: “Гээр Юй, ну и злой же ты!”

Он так смутился, что даже голову поднять не мог, а глуповатая улыбка никак не сходила с лица. Дома мама его дразнит, теперь вот и гээр Юй подтрунивает!

В душе у Хэ Дуна всё перепуталось, он воскликнул и отложил вышивку: “Гээр Юй, пойдём на луг у деревенских ворот, там вышивать будем”.

Ему хотелось спросить у Линь Юя кое-что личное, а тут язык никак не поворачивался.

Линь Юй улыбнулся, взял вещи и пошёл вместе с ним. Погода стояла чудесная. На ивах у речки возле деревни уже распустились почки, а в лицо тянуло лёгким тёплым ветерком.

Они выбрали на лугу местечко, где почти никого не было, и сели. Линь Юй снова принялся за вышивку, а Хэ Дуну уже было не до неё.

“Гээр Юй, а как тебе тот Гао Шувэнь?”

“Внешне он ничего”.

“А у тебя как было, когда ты обручался?”

Линь Юй замер на миг: “Я не знаю. До свадьбы я с Циншанем не встречался. Наверное, просто отдали десять лянов серебра и считалось, что обручились”.

Его женитьба прошла поспешно: через три дня после помолвки жених уже приехал за ним. Сам Линь Юй и понятия не имел, как у других это бывает.

“Вот так вот?” — изумился Хэ Дун.

“Да. Через три дня после помолвки я уже вышел замуж. У дяди, у Чжао Чжуня, и его семьи я жил совсем несладко”.

Хэ Дун знал, что у него свадьба была поспешная, но не думал, что жизнь у дяди была настолько тяжёлой. Он обнял Линь Юя и виновато сказал:

“Прости, прости, мне не следовало спрашивать”.

“Ничего, всё уже позади”. — Хорошо хоть, что он встретил Вэй Циншаня.

Пока они сидели у деревенских ворот и болтали, дома остался один Вэй Циншань. Он достал книгу, спрятанную под матрасом. Пролистав её, Вэй Циншань даже дважды приложился к холодной воде, чтобы успокоиться.

Читая, он хмурил брови, будто разбирался с каким-то серьёзным трактатом. Он ведь был грамотным: за годы, что провёл у своего учителя, тот научил его многому.

Лишь теперь Вэй Циншань понял, как грубо он себя повёл: сразу набросился... Неудивительно, что Линь Юй побаивается близости. Вся вина на нём.

Прочитав, он снова спрятал книгу под матрас. Решил подождать несколько дней, не стоит снова пугать своего маленького фулана.

*

Вэй Циншань дома отдохнул два дня, а потом опять ушёл в горы. Линь Юй же остался дома вышивать платки. Из дома Хэ Дуна пришла радостная весть: семья жениха собиралась присылать свадебные дары.

Хэ Дун специально сказал Линь Юю, чтобы тот в этот день пришёл и был рядом. Линь Юй охотно согласился. Всё-таки это было не то, что в прошлый раз, теперь, когда привозят дары, у семьи Хэ соберётся немало любопытных посмотреть на событие.

Линь Юй в тот день надел свой новый весенний халат, волосы наполовину заколол маленькой заколкой в виде рыбки. Вэй Циншань так засмотрелся, что даже слегка растерялся. Несколько дней, что он пил укрепляющее снадобье, не прошли даром — его маленький фулан заметно посвежел, лицо порозовело.

“Скоро пойдёшь к дому гээра Дуна?”

“Угу, гээр Дун просил, чтобы я посидел с ним”.

Вэй Циншань проводил Линь Юя до дома Хэ и сам отправился в горы. Когда Линь Юй пришёл, в доме Хэ уже царил суета.

Хэ Дун, в том же весеннем халате, сидел на кровати, а увидев Линь Юя, поспешил поманить его к себе.

Линь Юй протянул ему принесённый подарок: “Я сам вышил, возьми, пользуйся”.

Он подарил платок, на уголке которого серебряными нитями были вышиты снежинки.

Хэ Дун очень обрадовался, взял его в руки и с любовью гладил, не в силах отложить: “Спасибо!”

Линь Юй остался с ним сидеть в комнате. Когда солнце поднялось высоко, семья Гао уже приехала на воловьей повозке.

Во дворе Хэ собралось немало зевак: старуха Цянь, Ся Хэхуа, фулан Чунь, фулан Ван — стало очень шумно.

Ся Хэхуа скривила губы: ей-то хотелось посмотреть, кого семья Хэ подберёт для Хэ Дуна. Говорили, будто он служит счетоводом в городе. С такими условиями и согласился на Хэ Дуна? Да небось урод какой, без руки или без ноги!

Семья Гао приехала всей гурьбой: родители, замужняя сестра и сам жених. Они привезли пять лянов серебра в качестве свадебного дара, два рулона ткани и два свёртка с фруктами. Подарки были самые обычные, но всё по правилам, без ошибок.

Деревенские, пришедшие поглазеть, заговорили: мол, хорошая партия для семьи Хэ. Новый супруг и с виду неплох, да ещё и счетовод, куда лучше их самих, простых земледелов.

Хэ Дун из комнаты украдкой выглянул наружу и увидел, как Гао Шувэнь приветствует деревенских. Тот поднял голову и Хэ Дун тут же юркнул обратно, боясь, что его заметят.

“Гээр Юй, гээр Юй, я немного волнуюсь”.

“Ничего страшного”, — Линь Юй подал ему чашку горячего чая.

А в толпе Ся Хэхуа от злости так перекосилась, что лицо стало неузнаваемым: “Тоже мне, великий счетовод! Нашли чем гордиться”.

Она ведь считала, что её брат куда лучше. Вот уж действительно, семья Хэ задирает нос к самому небу!

Старуха Цянь, услышав, тоже заговорила. Она-то знала, что Ся Хэхуа хотела сосватать гээра

Дуна своему брату. Хотя слухи дальше не пошли, в деревне всё равно не было такого, чего бы она, старуха Цянь, не знала.

“А почему бы и нет, конечно, это большая удача!” — сказала она: “Счетовод ведь! Говорят, в месяц получает целый лян серебра!”

Деревенские, собравшиеся поглазеть, на лицах хоть и выражали любопытство или даже зависть, но на словах все наперебой желали счастья, говорили, что дети хорошо подходят друг другу, что новый зять из хорошей семьи.

Мать Хэ улыбалась так широко, что все морщинки на лице собрались в кучку: “Спасибо, спасибо! Когда гээр Дун будет свадьбу играть, без вашей помощи уж точно не обойдёмся”.

В толпе только Ся Хэуа оставалась недовольной. Но мать Хэ и не подумала обращать на неё внимание. Ещё чего! Брат Ся Хэуа, да жениться на её гээре Дуне? Мечтай!

С такой-то золовкой дома покоя не будет. Да и слышала мать Хэ, что брат Ся Хэуа — самый настоящий хулиган и воришка, кур крадёт по дворам. Тьфу!

<http://bllate.org/book/15725/1407304>